

Выскажу мнение, хоть и парадоксальное, но, на мой взгляд, объективное: Платонов неудобен (а чаще всего недоступен по сложности словесных образов) нынешним читателям, особенно молодым. К тому же он не нужен ни государству (а ведь «государственный» был в сердце своем художник!), ни бизнесменам, ни тем более политикам — даже тем, которые твердят о своем «исконно» народном происхождении. А ведь Платонов показал именно представителей «масс»... Самый большой успех произведений воистину советского классика отмечен в конце 1980-х (разгар перестройки) после публикации ранее запрещенных «Чевенгура», «Котлована», «Ювенильного моря»... В чем же причина нынешнего коммерческого, политического и, главное, идеологического, скажем так, «неуспеха» произведений А.Платонова?

Этот писатель «темен» даже для подготовленного и тренированного филологического сознания. Зато о нем охотно вспоминают и пишут профессиональные философы — для них творчество Платонова неисчерпаемый материал. А вот современному так называемому «обществу» Платонов не нужен и даже противопоказан. Мало того, он мешает *всем* (увы, как ни горько, вынужден употребить это слово) *нам*, — даже тем, кто с юных лет учился у Платонова не то чтобы писать, как он (как утверждают специалисты, и сам Андрей Платонович подтверждал, это невозможно), и тем, кто до сих пор являются поклонниками его реально-фантастического стиля... Почему же про-

исходит повсеместное забвение советского отца одиночества? И чем могут помешать сегодняшним мировым смыслам произведения христиански настроенных писателей? Для Платонова христианство и коммунизм — одно и то же, только он прямо не заявляет об этом. Он допускает, что Бог — человек будущего. Так ведь и Христос называл нас своими детьми.

Мотивом любви ближнего друг к другу, приоритетом именно человеческих ценностей пропитаны все его произведения. Не какие-то мутные «права человека», которые во все времена каждый толкует по-своему, а именно *мечта*, идея, с огромными усилиями прививавшаяся на русской почве (которая поначалу благодатно приняла семена Идеи) в виде недостроенного социализма.

Платонов невыносим для нынешнего «общества» — он и в свое-то время пришел не ко двору с Захарами Павловичами, Пуховыми и прочими «странными», далеки-ми от социализма людьми. Впрочем, и Пуховых микробы революции крепко потревожили, вызвав наплыв смутных нереализованных чувств.

Даже во времена антихудожественного революционного безумия, охватившего «мастеров культуры», Платонов, творя свои главные идейные вещи, агитируя всей своей страстной фантазией «за коммунизм», все равно оставался художником. Однако он пытался понять, к чему ведут напор и страсть масс. С великим трудом шел к этому пониманию.

Андрей Платонов и вообразить не мог, что сегодняшняя техника достигнет такого высокого уровня. Ни в одном фантастическом произведении у него и намек нет на «думающую машину» — компьютер, хотя «эфирные тракты» и «ювенильные моря» сияли перед ним как живые... Компьютер, мобильник и прочие приборы служат для разделения людей (как это ни парадоксально это сейчас звучит). Приборы общения дают человеку возможность оторваться от окружающих и жить как бы сообща со всеми, но при этом совершенно одиночно и разделенно. Но это не то благородное творческое уединение, когда на думающего и одинокого нисходит благодать, именуемая в платоновскую пору «сознательностью», «фантазией инженера будущего» и т.д. Нет в этой иллюзии общения того незримого, что дается свыше тем, кто хочет и умеет дружить.

Певец будущего революции не то чтобы хотел «скорейшего достижения коммунизма» — он уже видел его в облике современных ему людей. Сырость общественно-го сознания и сухая звонкость понятий перемешались, взбаламутили умы и сердца. Платонов — певец зарождения массового в индивидуальном человеке. При этом он хочет быть массовее массы.

Ненависть к Платонову патологична и бессознательно широка — до полного незамечания его идей, существующих теперь уже помимо него. Современная Россия при желании может увидеть в его книгах свое юное лицо в подростковых прыщах революции. Но и у молодости бывают кошмарные видения. Тот же Воцев, собирающий из придорожного праха свой одиночный социализм. У современного человека появился новый защитный инстинкт — «не читать». Хотя бы классиков. Особенно таких, как Платонов. Дескать, хватит, наелись!.. Другой защитный механизм стар, как сама история — «не думать». И, разумеется, «не мечтать». В последнем механизме заключается полное отрицание Платонца.

И все-таки российская душа, загнанная в клетку капитализма, тоскует. Но недолго ей осталось тосковать... Не любит она, чтобы долго!.. Тем не менее, семьдесят лет — минимальный для страны временной масштаб.

Можно сделать вид, что Платонова, певица индивидуальной революционной души, и подобных ему художников никогда не было. Пусть — «он был!» Но вообще-то «нет!» Дескать, не только не современен — противопоставлен современности. Он — один из тех, кто разносил микробы болезни, которой государство впоследствии мучилось семь десятков лет. Когда партия стала «хорошей» — перестала расстреливать и мучить лю-

дей по лагерям — она сразу же развалилась. И необязательно было писать заявление о выходе из нее — как лежали партбилеты в сундуках, так и лежат, может, сгодятся когда-нибудь...

Иногда эссе о Платонове можно встретить в журналах. В начале 1990-х кончился платоновский бум, как и вообще интерес к чтению. Зато это был последний писатель, которого успели внимательно прочесть хотя бы в угоду моде. Прочли и забыли.

Но сердца еще не окончательно отчуждены, они просто одиноки, зажаты в машинах, лифтах, темных подъездах. Одинокие голоса звучат в телефонах и мобильных, полоски слов всплывают из Интернета, как из небытия, из огромной, космических масштабов, могилы, где забавным образом осуществилась мечта философа Федорова, предлагавшего поднять из земли покойников, чтобы затем дать им вторую жизнь. Теперь эта жизнь дана лишь виртуальным призракам. Платонов же сам по себе, своими текстами он не сможет объединить никого. Нет духа, который смог бы стать если не цементом, то строительными лесами, «подпоркой» общества. А без этого «духа» (или как там ни назови это массовое высокое чувство) всякие понятия о «государстве», «патриотизме» и т.д. остаются пустыми словами. Мечтатели умерли вместе с Платоновым.

А родился и жил он в условно счастливое время, полное надежд для тогдашнего поколения. Тела персонажей двигаются будто сами по себе, механически, перемещаясь среди «скучных мест», двигаясь вялым пешим ходом в будущее, в коллективизм «государственных» людей.

Наподобие кафкианского Замка, двери советских учреждений открыты лишь для определенных товарищей. Войти в них может широкий в плечах человек в хорошем костюме и в соответствующем головном уборе. Это столица с мягким именем Москва, с ее сталинскими замками: в высоченный камень зданий воплотилась мечта тысячелетней деревянной души. Два удлиненных, с лицами до небес, фантома: «рабство-феодализм» и «замок-учреждение». Над всем тогдашним социалистическим пейзажем джокондовская улыбка «технического человека». Это улыбается Сфинкс советской литературы и словно бы извиняется за одиночество горькой души времен первых пятилеток.

В палитре Платонова свинцово-желтые тона. Такие оттенки мы видим обычно во сне.

«Но где же свобода?» — вопрошал в свое время Платонов. И сам же отвечал: «Она далеко в будущем — за горами труда, за новыми могилами мертвых».

У великой Идеи коммунизма оказалась механическая душа. Великий механик душ Платонов пропел ей свой гимн, но уже в «Чевенгуре» его озарило: а где же человек? И он его увидел...

Платонов был последним «верующим пролетарием». Современному человеку такой образ напоминает скорее юродивого, чем художника, нынешний читатель отвергает не только странные и «нелитературные» фразы Платонова — зачастую нашего современника приводят в гнев идеи, несовместимые с духом общества потребления. Если, конечно, такой читатель откроет невзначай книгу Платонова...

Но писатель успел сделать свое дело. Он показал величие простого человека, силу жизни в образе существования Воцехвых, Двановых, Копенкиных. Эти «лишние» люди прожили короткие отрезки жизни. Сам же Платонов не избежал участи классиков, изгнанных из общественного сознания на университетские задворки. Но преданные его читатели никогда не забудут Платонова, запечатлевшего горячо и ярко свою переломную эпоху, мечты и надежды простых людей.